

РАЗДЕЛ II. ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА

С. А. Азаренко

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ТОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ*

Нам представляется, что рассмотрение темы толерантности в современности имеет свою специфику. Вызвано это тем, что современность в целом стала характеризоваться преобладанием пространства над временем. М. Хайдеггер отмечал, что в настоящий момент все временные и пространственные параметры сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающем аппарате в считанные часы. О чем в старину он узнавал лишь спустя год, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает немедленно. Кинофильм способен показывать древние культуры так, словно они окружают современного человека. Устранение дистанции достигается телевизионной аппаратурой и Интернетом, которые пронизывают собой всю систему современной коммуникации. Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит все тем самым на минимальном отстоянии от себя. Дело не в том, что в ходе пространственно-временного сжатия

---

* Поддержка данного проекта была осуществлена АНО «ИНО-центр» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кетрин Т. Мак-Артуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

происходит исчезновение самого пространства и времени, а в том, что они определенным способом преобразуются.

XIX в. был веком истории, когда все проблемы артикулировались во временных категориях. Это значит, что тот или иной объект социальности описывался, например, или с точки зрения «развития», или с точки зрения «кризиса». Развитие различных технических и коммуникативных средств привело к тому, что современность стала являться, как заметил М. Фуко, эпохой пространства, эпохой с преобладанием ситуации одновременности и нахождения бок о бок. Место стало определяться отношениями близости между точками или элементами, которые формально описываются в качестве отношений серии, дерева или сети. Проблема жизненного пространства стала диктоваться типом сохранения и классификации человеческих элементов. Озабоченность нашей эпохи фундаментально оказалась связанной именно с пространством, а не со временем. Время обнаруживается лишь как один из вариантов операций, которые возможны для элементов, распределяемых в пространстве. Мы живем не в однородном пространстве, но, напротив, в различающейся множественности мест. То есть мы не живем в пустоте, внутри которой могли бы быть размещены индивиды и вещи, но живем внутри набора отношений, которые очерчивают места. В каждой культуре или цивилизации имеются места особого рода, отличные от всех других мест.

Жизнь общества — это его «бытие» и «время». Не в том смысле, что его существование протекает в бытии и во времени, а в том смысле, что оно само *производит и воспроизводит* бытие и время. Общество само «есть» бытие и время. Как бы ни рассматривал М. Хайдеггер мир в плоскости «бытия и времени» или «времени и бытия», при этом он говорит о со-бытийственности мира. Но эта событийственность имеет место, а это место, полагаем мы, есть «тело», которое существует в качестве результата совмещения различных «мест» мира. Ибо нет пустых мест, как нет и пустоты вообще. В обществе «есть» лишь то, что может иметь место или не может его иметь в качестве производимого или воспроизводимого в нем объекта.

Поскольку дело обстоит таким образом, то возникает искушение вообще отказаться от категорий «бытия» и «времени», поскольку приходится иметь дело с уже времяющейся вопло-

ценностью. Между тем мы продолжаем говорить этими категориями, причем прежде всего временными, тогда как при этом речь идет о разного рода телесностях, о тех или иных воплощенных в культуре формах. Значит, необходимость в них есть, и она продиктована наличием структур, которые предшествуют телам в качестве порождающих их действия начал, в качестве того, что существует «до», «во время» и «после» них. Речь идет о содержащихся в культуре «техниках» (телесных и коммуникативных), благодаря которым и существуют воспроизводящиеся объекты в обществе.

Человек всегда живет уже внутри понятых им отношений, в некоей допредикативной и дорефлексивной области, которую нужно понимать из совместной практики людей. Человек обречен на смысл (со-мысль). Совместность действий не сводится к следованию правилам. Взаимодействие понимается не по конечным состояниям, а из него самого, т. е. из того «между», воплощенного в телесностях. Ибо человеческое тело — это конкретное, фундированное исторической и природной ситуацией бытие. Это «между» и конституирует смысл, порождая область допредикативного. Допредикативность нужно отличать от бессознательного. Она есть то, что Э. Гуссерль называл досознательным, т. е. является областью жизненного мира, включающего язык, жесты, способы производства, институты, обычаи и т. д. Социальность — это межтелесность (М. Мерло-Понти), где телесность есть воплощенное сознание. В отношениях людей мы не обнаруживаем первичности рефлексии, ибо в реальности человек, как социальное существо, не творит, а воспроизводит и преобразует. То есть ему приходится действовать в предзаданном социально-культурном единстве.

С топологической точки зрения социально-культурное единство можно представить в качестве тела без органов, если воспользоваться термином А. Арто, которое способно порождать другие тела. К такому пониманию нас подводят, например, концепции Л. Карсавина или Ж.-Л. Нанси. Но у обоих, как нам представляется, господствует идея «взаимообращенности» «мест» и «тел», которая не позволяет ответить на вопрос о возникновении новых тел, и, кроме того, их моделирование социальных тел способно очертить лишь пространственные параметры человеческого взаимодействия. Так, Карсавин вводит

понятие «симфоническая личность», которая реализуется в индивидуальном теле, состоящем из социального и симфонического тела. Согласно русскому мыслителю, человеческое тело существует во взаимооплотняющем взаимодействии с другими телами мира, как человеческими, так и физическими. Тело «есть» только потому, что существует на переходе с другими телами, которые задают ему границы. Границы отдельного тела оказываются подвижными, что позволяет рассматривать тела несубстанциалистски. У Нанси люди существуют со-обща в совместности с другими, в открытости по отношению друг к другу. Открытость, по мнению Нанси, нужно понимать как «обращенность» одного по отношению к другому. Одно тело человеческое опространстливает другое. И самоданность отдельного тела существует только в качестве «обращенности». Мы видим, что тот и другой мыслитель социально-культурное единство сводят к «взаимодействиям» и без внимания оставляют то, что обуславливает их функционирование.

Другое дело концепция П. Флоренского, который, опираясь на Э. Каппа, формулирует производство культуры через удвоение органов человеческого тела. Однако при этом оказывается вторичным пространственный фон происходящего. Для М. Хайдеггера существенным является производящая способность, складывающихся в одно, всех топологических параметров мира, которым причастен человек. Поэтому у него бытие выступает в качестве времени. М. Бахтин также понимает человека как событие, но у него он уже не причастен бытию, а активно участвует в нем. Человек раскрывает себя в ответственном поступке по отношению к другому. Примечательным здесь является то, каким образом открывается временение событийности человеческого взаимодействия. Ведь брать на себя ответственность за что-то *перед* Другим — это значит активно времениться (на что указывают предлоги языка), производя нечто новое. Вместе с тем и у названных мыслителей мы не находим рассмотрения тех структур, которые обуславливают социально-культурную реальность. Мы имеем в виду определенные «практики» и «техники», которые выступают в качестве того, что предшествует телесным взаимодействиям и определяет их существование.

В самом деле, функционирование любого общества осуще-

ствимо только в условиях определенным образом организованного пространства, в рамках которого происходит формирование человеческих тел и способов их совместного поведения. В связи с этим становится значимым понятие «опространствливание», поскольку общество рассматривается не в привычных временных или исторических терминах, а в терминах событийного способа существования. Понятие «опространствливание» дает возможность преодолеть ограниченность «линейных» структур толкования взаимодействия и несубстанциалистски объяснить «места» и тела, как результат их взаимного конституирования. К этому необходимо добавить, что данное понятие не дает замкнуться ни на Собственном, ни на Другом, а позволяет выявить совместный аспект взаимодействия, когда одна сторона не просто обнаруживает свою самость или воспроизводит Другого, но предстает как удвоенная Другим. И наконец, такой подход позволяет понимать тела не механически, а как следствие взаимодействия сил, и тем самым упразднить оппозицию тела с духом. Только обратившись к конкретным «местам», принимающим участие во взаимодействии, можно выявить, какой способ телесного собирания в-месте существует в том или ином обществе. Тела при этом оказываются не данными, но конституируемыми в ходе совмещения в рамках определенного места. В этой связи мы предлагаем использовать такое понятие, как «топологема» (греч. *τοπος* — место, *λεωω* — собирать), которое выражает собой определенный способ соорганизации социальных «мест» или, другими словами, способ собирания в одном месте тех или иных пространственных-телесных компонентов общества. Культура в этой связи предстает транслируемой совокупностью образцов «совместных» способов человеческой практики, благодаря которым социальность превращается в определенное единство. В этом случае место — это и есть тело, ибо место суть точка схождения и расхождения взаимодействующих тел. Тогда тело не может быть самотождественным, но существует на переходе, на переходе от одной совокупности навыков и умений к другой, складываясь при этом в зависимости от ситуации то в одно тело, то в другое и являя тем самым разнообразные складки тела. Тело действительно на-ходится в месте в том смысле, что оно ходит и действует благодаря другому телу, создавая тем самым

место-нахождения. В этом смысле «тела», завязанные на другие «тела», совпадают с «телесными практиками», а власть совпадает с «волестью» или «областью» (о чем и свидетельствует русский язык) действия последних, ибо она располагается «между» взаимодействующими телами.

Опираясь на опыт М. Мосса, В. Беньямина, М. Фуко или П. Бурдьё, можно с известной долей условности представить историю телесных технологий, где оказывается «отехнизированным» тот или иной орган человеческого тела. Воспроизводство и производство греческой культуры знало литье и штамповку, в которых ведущее место занимала рука. Стало быть, античность предстает как история «техник» руки. Средневековье, знавшее литографию и практиковавшая исповедь и молитву, — как история «техник» уха. Новое время со своим механическим присвоением мира — как эпоха «техник» руки и ноги. Изобретение фотографии высвобождает руку и задает историю «техник» глаза. Такой подход позволяет понимать культуру как совокупность определенных телесных и коммуникативных «практик» и «техник», благодаря которым воспроизводится и производится социально-культурное единство.

Исходя из сказанного, можно заключить, что коммуникация и, шире, взаимодействие в социальности носят принципиально нелинейный характер, характер диаграммы. Диаграмму нужно отличать от диалога, ибо последний несет в себе следы фоноцентризма. Корень греческого слова «диаграмма» — «грамма» переводится обычно как «буква», но следует остановиться на другом значении слова — «оттиск», поскольку оно сохраняет топологическое измерение отражаемого события. Понятие диаграммы призвано вскрыть действительное поле взаимодействия противоположных сторон коммуникации, в которой происходит не просто информационный обмен одного сознания с другим, а общение одной телесной и коммуникативной техники, агентом которых является та или иная социальная сингулярность, — с другой. А каждая сингулярность — это определенная совокупность сил и способов действия, которые разворачиваются в условиях определенного пространства. Ввиду этого обстоятельства абсолютной полноты взаимодействия быть не может, оно возможно только в определенных точках, в точках возможного сцепления, которые образуют

пучок кривых. Пересечение сингулярностей происходит в поле, которое представляет собой некое условное поле, поле идеального взаимодействия. Назовем его не просто «диаграммой», а «топограммой». Однако идеального совмещения быть не может, оно происходит только в конstellляции каких-то точек и может варьироваться в зависимости от смещения позиций, экспозиций и диспозиций агентов социальности. Иными словами, всякая согласованность несет в себе элемент несогласованности. Следовательно, толерантность в современности нужно понимать как динамичный процесс поиска различных пересечений и сцеплений между людьми, людьми, которые поняты не как индивиды или группы индивидов, а как агенты различных телесных и коммуникативных техник, т. е. в качестве социальных сингулярностей.

А. Б. Белоусов

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

СООБЩЕСТВО, ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖОГО И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Вести спор о том, какую толерантность стоит считать подлинной, возможно, гораздо сложнее, нежели проявлять толерантность в повседневном опыте, ибо до сих пор менее всего понятно, как осуществима толерантность в научном сообществе, равно как и в любом другом сообществе. Общая стратегия толерантности может быть выражена следующим образом: чем меньшая толерантность будет проявлена к противоположным мнениям в ходе выяснения подлинной толерантности, чем в меньшей степени место толерантности будет занимать ауто-толерантность, тем большая толерантность будет обнаружена на выходе.

Следуя данной стратегии, дискурс, обращенный к сообществу, обнаруживает два подхода к толерантности.

Первый из них представляет собой *автономный дискурс толерантности*: дискурс, вещающий из толерантности, на ос-